Чистой,
Дистиллированной
Воде!» *Л. Мартынов.*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Категория модальности является ключевой характеристикой художественного текста. Она отражает не только авторскую позицию, но и взаимодействие оценок автора с читательскими. Субъективно-оценочная модальность текста проявляется через экспрессивность языковых единиц, обусловленную их употреблением в данном контексте. Однако сама по себе категория модальности не проявляется как набор языковых средств, она всегда возникает на основе их соотношения в конкретном тексте, где все экспрессивные и нейтральные средства группируются, образуя своеобразное концептуальное пространство, к которому приковано внимание читателя. И именно в этом поле все составляющие текста получают субъективную интерпретацию.

В разных текстах проявление модальности имеет разное значение и разную степень силы, но ее присутствие обязательно, поскольку абсолютно нейтральные высказывания невозможны. Отношение говорящего к предмету изображение, оценки, суждения определяют выбор фонетических, лексических, грамматических и композиционных средств организации текста и формы выражения экспрессивности и модальности. При этом в художественном тексте на первый план выступает индивидуальный стиль автора, определяющий закономерности актуализации субъективно-модального значения языковых единиц.

Источники и литература

1. Балли Ш. Об экспрессивности в языке и речи [Текст] / Ш. Балли // Балли Ш. Язык и жизнь: Пер. с фр. / Вступ. статья В. Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 98-127. – ISBN 5-354-00227-3.

2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-298. – ISBN 5-267-00272-0.

3. Валгина Н. С. Теория текста. Учебное пособие [Текст] / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 174 с. – ISBN 5-94010-187-9.

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 5-484-00618-X.

5. Гридин В. Н. Экспрессивность [Текст] / В. Н. Гридин // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 591. ISBN 5-85270-307-9 (БРЭ).

6. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / Г. В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с. (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 5-484-00174-9.

7. Краткий психологический словарь 1985: Краткий психологический словарь [Текст] / Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.

8. Ляпон М. В. Модальность [Текст] / М. В. Ляпон // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 303-304. – ISBN 5-85270-307-9 (БРЭ).

9. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 326 с. – ISBN 966-8148-10-X.

10. Шелякин М. А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебн. пособие [Текст] / М. А. Шелякин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с. – ISBN 5-89349-829-1.

УДК 81’362=161.2=111 **Drinko Hanna**

EMPHATIC IMPERATIVE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH AND UKRAINIAN

В статье рассматриваются в типологическом аспекте эмфатические побудительные конструкции в английском и украинском языках, основываясь на текстовой выборке из художественных произведений английских, американских и украинских авторов. В результате исследования выявлены общие и дифференциальные признаки эмфатических конструкций в разноструктурных языках. Основным способом образования эмфатических побудительных конструкций в украинском языке являются частицы + смысловой глагол в форме императива (*Part. + Vimp.*), в английском языке – эмфатический глагол *do* и смысловой глагол в форме императива (*Do + Vimp.*). Сопоставительный анализ эмфатических конструкций позволил установить степень их продуктивности, которая связана со строем конкретного языка. Так в украинском языке конструкция *Part. + Vimp* употребляется наиболее часто (10,8%), в английском языке конструкция *Do + Vimp* составляет 1,5% от общего числа побудительных конструкций. Было установлено, что эмфатический глагол *do* и усилительные частицы в эмфатических конструкциях служат для уточнения и изменения категориального значения, а также передают тончайшие экспрессивные оттенки высказывания.

Ключевые слова: императив, эмфатические побудительные конструкции, усилительные частицы.

1. Introductory note. In some languages, along with conventional or standard imperatives there are specific or so-called emphatic imperatives. In the English and Ukrainian languages, the neutral imperative is opposed by sentences with emphatic imperative constructions such as English *Vimp*. and *Do + Vimp*. as well as Ukrainian *Vimp.* and *Part. + Vimp.* Foreign linguists [11; 4; 13] have noted that the purpose of these constructions is to increase speech expressiveness and tension.

Interest of linguists to the imperative mood is determined by the important role that it plays in speech communication. It should be noted that the imperative is one of the main means of expressing inducement. Many works have been devoted to studying the imperative (by Berezhan, Volodin, Xrakovskij, Golovin, Zahnitko, and Shvydka among others), but the imperative has not been sufficiently examined in terms of contrastive linguistics. This article is devoted to studying emphatic constructions in the English and Ukrainian languages.

2. The aim and tasks of the work. The chief aim of this article is to present a contrastive analysis of imperative constructions in English and Ukrainian. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: (a) to identify the models of emphatic constructions in the languages that are compared, (b) to study the semantics of emphatic constructions, and (c) to give a quantitative description of emphatic incentive constructions.

3. Material of the research. The research in question has been carried out on fiction works of English, American, and Ukrainian authors. The database includes 5,653 examples of imperative sentences. 695 emphatic incentive structures were found out in both languages, which is 12.3% of the total sample.

4. Research findings and their discussion. In English the emphatic imperative has the notable special marker *do*. The imperative with *do* (*Do + Vimp.*) is generally treated as a means of expressing offer and persistent request, but not order [16; 17]. The frequency of using this construction is 1.5% in English. V. S. Xrakovskij has identified two main features of this imperative—reminding and highlighting [11, p. 197]. The function of reminding is implemented in the context by re-expressing a previous refusal or delay by the speaker to do the action; for example: *Do come to the point* || *Ближче до суті* [18, p. 170]. The function of highlighting is used in the context of opposition; for example: *I don't care whether you are successful or not, but do be happy* || *Мені байдуже, досягнеш ти успіху чи ні, але неодмінно будь щасливим* [15, p. 198].

D. Bolindger in his article «Do Imperatives» noted that the use of the construction *Do + Vimp.* depends on the situation and context; sentences such as *Sit down* || *Сідайте* are unrestricted by any conditions, but the sentence *Do sit down!* || *Сідайте ж* is possible if the speaker has his doubts about the implementation of the action [13, p. 115].

In English we can see emphatic constructions with the adverb *just* at the beginning of the imperative sentence. Such sentences show irritation and disappointment of the speaker; for example: *«Just tell me one thing more—as a matter of personal curiosity,» Abbey concluded* || *«Тільки скажіть мені хоча б ще щось – просто щоб задовольнити мою особисту цікавість», – продовжував Ебі* [15, p. 193].

In the Ukrainian language the emphatic imperative is formed with the help of amplifying particles and a notional verb in the form of the imperative mood (*Part. + Vimp*). The core group of amplifying particles includes: *а, аж, адже, та, так, -таки, же/ж, -бо, -но, -але, -те, а нумо, вже,* etc.; for example: *Ну, сідай-но, моя голубонько* [10, p. 375]; – *Ну, кажи-бо, не крутися* [6, p. 79]. The particle *же/ж* is used very frequently in Ukrainian; for example: – *Та ви ж подивіться: картина – не корова!* [2, p. 35]; – *Послухайте ж, дітки, мене* [10, p. 267]. The frequency of using incentive constructions with particles is 10.8% in Ukrainian, which is much more than in English (1.5%). This is determined by the existence of a large group of amplifying particles in Ukrainian. These particles do not have their own meaning but perform the expressive function. They serve to emphasize the semantic and emotional expression not only of a single word, but of the entire sentence. The particles increase the intensity of the inducement that motivates the speaker's interest in carrying out the action; they convert the statement into relaxed, friendly, which affects the speaker more.

The particle *ж/же* indicates intensity of the inducement; for example: *Приходьте ж швидше, Льово* [8, p. 726]. It also serves to specify and modify the categorical meaning. The particle *ж* expresses reminding about an expected action. Accentuation of the reminding is achieved by forming the intonation center of the structure with the help of the imperative verb together with the particle *ж/же* in a preposition to the other elements of the structure [12, p. 76].

The structure of the imperative and the particle *та + Vimp. + же s*hows a sharp, persistent, demanding character of the inducement; for example: – *Та зайдіть же до нас!* [2, p. 302].

Imperative sentences with the particle *та* are characterized by their categorical features; they are close to requirements such as: – *Та й прийміть це запрошення як позитивне відзначення для своєї особи*… [9, p. 135]. The particles *а ну, ну-бо, а нумо, та, то, вже* not only increase the demand or order but also point out the urgency of the action; for example: *А ну-бо йдіть сюди* [10, p. 621].

It should be noted that the particles that intensify inducement have a fixed position in the sentence: they are used in preposition to the imperative (*тільки, то, хоч, хочби*, etc.) as in the example *Ну, то лізьте сюди! – сказав дурень* [10, p. 543] or in postposition to it (*таки, ж, же*) as in the example *Іди ж, Декарте* [8, p. 117]. The particle *тільки* provides an additional shade of convention, which expresses intensity of the inducement and influence on the speaker [12]; for example: *Ну, тільки не плач!* [8, p. 216].

5. Conclusions. It has been found out that in the compared languages the major means of emphasizing inducement are the emphatic verb *do* and amplifying particles. They are used with the imperative to specify and modify the categorical meaning and convey subtle nuances of inducement. However, the functions of the emphatic verb *do* and the amplifying particles have been revealed as not isolated but supported by relevant context and intonation. Absence of these emphatic means would deprive incentive sentences of expressiveness. The difference between the languages is that in Ukrainian a large group of amplifying particles is used in preposition or postposition to the imperative. In English the emphatic verb *do* (*Do + Vimp.*) and the adverb *just* are used in preposition (*Just + Vimp*).

References

1. Бережан Л. В. Категорія спонукальності в сучасній українській мові: дис. на здоб. наук. ступ. канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. В. Бережан. – Чернівці, 1997. – 194 с.
2. Вишня О. Вишневі усмішки / Остап Вишня. – К.: Держ. вид-во худ. літ-ри, 1960. – 480 с.
3. Вихованець І. Теоретична морфологія української мови / І. Вихованець, К. Городенська; за ред. чл.-кор. НАН України Івана Вихованця. – К.: Унів. вид-во «Пульсари», 2004. – 398 с.
4. Володин А. П. Функционально-типологическая характеристика императива (на материале агглютинативных языков) / А. П. Володин, В. С. Храковский // Советская тюркология. – 1977. – № 5. – С. 3-12.
5. Головина Н. В. Семантика императива и способы его выражения в современном английском и русском языках: дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец.10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Н. В. Головина. – М., 1997. – 136 с.
6. Довженко О. Кіноповісті / Олександр Довженко. – К.: Дніпро, 1983. – 439 с.
7. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови. Синтаксис / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
8. Підмогильний В. Оповідання / Валер'ян Підмогильний. – К.: Наукова думка, 1991. – 800 с.
9. Тудор С. День отця Сойки. / Степан Тудор. – К.: Наукова думка, 1989. – 608 с.
10. Хвильовий М. Новели, оповідання. Повість про санаторну зону. Вальдшнепи: Роман. Поетичні твори / Михайло Хвильовий. – К.: Наук. думка, 1995. – 600 с.
11. Храковский В. С. Семантика и типология императива: Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986. – 213 с.
12. Швидка Н. В. Імперативні речення в сучасній українській мові: семантика, засоби вираження спонукання, функції: дис. на здоб. наук. ступ. канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. В. Швидка. – Слов'янськ, 1998. – 172 с.
13. Bolindger D. Do imperatives / D. Bolindger // Journal of English Linguistics. – Washington, 1974. – Vol. 8. – pp. 1-5.
14. Cronin A. J. Hatter's Castle/ Archibald Joseph Cronin. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 669 p.
15. Cronin A. J. The Citadel / Archibald Joseph Cronin. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 475 p.

16. Curme G. A Grammar of the English Language / G. Curme // Parts of Speech and Accidence. – Vol. 2. – Boston, N.Y., Chicago (etc.): D. C. Heath, 1935. – 370 p.
17. Kruisinga E. A handbook of present-day English / Etsko Kruisinga. – 4th ed. Part II. – Vol. 3. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1932. – 550 p.
18. Huxley A. Crome yellow / Aldous Leonard Huxley. – M.: Progress Publishers. 1979. – 278 p.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

1. *Vimp.* – глагол в побудительном наклонении.
2. (*Part.*) + *Vimp.* – частица + глагол в побудительном наклонении.
3. *Just* + *Vimp* – наречие + глагол в побудительном наклонении.

УДК 81’271:[37.016:811.161.1] **Дрянгина Е. А.**

МЕТАФОРА КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ А. ЛИХАНОВА «БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ»

Метафора является одним из ярких лексико-семантических средств репрезентации языковой личности главной героини романа А. Лиханова Надежды Георгиевны. Языковая личность использует как устойчивые метафорические модели, частотные в речи педагога («педагогика-медицина», «жизнь-дорога», «школа, педагогический процесс, учитель – корабль, вода», «знания – плоды»), так и индивидуально-авторские. Метафора позволяет передать ценностное отношение героини к ученикам, процессу воспитания, педагогике в целом.
Ключевые слова: языковая личность, метафора, метафорическая модель, индивидуально-авторская метафора.

Metaphor is one of the bright lexical-semantic the representation of a language personality of the protagonist of the novel A. Likhanova Nadezhda Georgievna. Language personality uses as a metaphorical model of sustainable, frequency in the speech of the teacher («pedagogy – medicine», «life – road», «school, teaching process, teacher – ship, water», «knowledge – fruits»), and individually-author. A metaphor allows you to transfer the value attitude of the heroine to the students, the process of education, pedagogy in General.
Key words: language personality, metaphor, metaphorical model, individual author metaphor.

Понятие языковой личности одно из широко изучаемых и обсуждаемых в лингвистической науке последних десятилетий. Актуальность обращения к языковой личности персонажа романа А. Лиханова «Благие намерения» обусловлена профессиональной принадлежностью главной героини: педагог-филолог. Современное общество предъявляет высокие требования к учителям, следя, в том числе, и за речевым поведением педагога. Классическая же литература дает яркие образцы, достойные подражания.

Лексико-семантическими средствами выразительности являются тропы или образные средства языка, которые характеризуются совмещением в одной единице формы двух семантических планов. Тропы различаются характером переносного значения. В данной статье остановимся на качественном переименовании, рассмотрев использование метафоры как средства репрезентации языковой личности Надежды Георгиевны.

Метафора понимается как «оборот речи, состоящий в употреблении слов, обозначающих какой-нибудь предмет (явление, действие, признак), для образного названия другого объекта, сходного с первым в чем-либо. Образное определение через другой объект осуществляется переносом свойств, при этом происходит «сравнение, но не прямое, а косвенное, замаскированное» [6, с. 75]. Метафора является одним из наиболее ярких средств репрезентации языковой личности. Раскрывая все три уровня структуры языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный, прагматический), метафора в процессе коммуникации помогает понимать характер адресата, привлекать внимание, создавать яркие впечатления, эмоции, выявлять проблемы, развивать творческие способности учеников. Как подчеркивает О.В. Филиппова, «подчиненность метафоры дидактическим целям значительно расширяет ее функциональные возможности: она выступает как средство создания положительной мотивации, средство стимулирования речемыслительной активности, прием управления процессом понимания учебного материала» [5, с. 150]. Но метафора может являться и средством рефлексии, помогая осмысливать жизненные события, определять отношение к ним, к другим людям. Это в первую очередь и демонстрирует языковая личность главной героини.

Для языковой личности Надежды Георгиевны характерно как использование достаточно известных метафорических моделей, так и создание индивидуально-авторских. К первой группе можно отнести метафоры:

– **«педагогика-медицина»**: «чему нас только не учили в педагогическом! Логика, психология, философия! А вот как помыть первоклашек в интернате – давай сама, *без рецептов*»; «Нет, не узнала я от Мартыновой никаких *таких секретов, никаких рецептов*»; «Я не раз свою работу с врачебной сравнивала. Всегда жалко, но, исходя именно из жалости, *надо резать по живому*»; «В таких случаях легко не бывает, страшит ожидание, но надо подождать, чтоб *нарыв назрел. А лопнет, и легче станет*»; «Как же это пробраться в каждого? В самую середку? Как *умело и быстро ставить диагноз любому срыву*? Ох, как далеко мне еще до такого!».

На то, что эта метафорическая модель является традиционной для языковой личности педагога, указывает широкое использование ее и в методической литературе, и в художественной при моделировании, создании авторами языковых личностей учителей. Например, у В. Ф. Тендрякова в романе «Шестьдесят свечей»:

«– Не паника, нечто противоположное – отрезвление. Мои высокоморальные наставления толкнули на убийство! Страшно? Да. Но от этого страшного не собираюсь прятаться.

– *И все-таки врача не хоронят вместе с тем, кого он не сумел вылечить.*

– *Плох тот врач, который заранее рассчитывает на снисхождение к себе…*

– …Послушайте, – примиряюще сказал директор, – самое бессмысленное – это затевать нам спор: Вы будете уверять – брито, я – стрижено. Тем более что вы не можете сейчас, *с ходу предложить новый спасительный рецептик. Нет у вас его за душой. Признаем пока, что старое лекарство опасно, потом уж будем думать о новом*» [4, с. 251].